

И. Я. БИРМАН

Экономическая ситуация в СССР

<Фрагменты>

Я отдаю себе полный отчет в крайней серьезности темы, мрачности доводов и драматичности моих выводов. И, скажу это сразу, многие с выводами не соглашаются. Впрочем, я сам пришел к ним не сразу.

Эмигрируя в 1974 г., я отлично осознавал, что дела в советской экономике из рук вон плохи. Как «обыкновенный» житель, я видел рост цен (явный на рынках и не совсем явный, но весьма ощутимый в госторговле), удлинение очередей, ухудшение качества товаров. Как экономист, я знал и причины: общее замедление темпов развития экономики, слабый рост производительности труда, назревание проблем с сырьем и топливом, недостаточный научно-технический прогресс, развал сельского хозяйства и многое другое. При всем том я думал тогда, что радикальные реформы экономической системы были бы благотворными, что, состоясь они, дела бы пошли много лучше.

И, как говорится, едва вывалившись из самолета в Вене, я начал объяснять все это встречным и поперечным. Увы, встречные были больше заняты собственными заботами, а поперечные рассказали много интересного.

Что многое, которое я торопился выложить, было более или менее известно специалистам и каких-то особенно значимых фактов и соображений я не мог им поведать. Что специалисты (так называемые советологи) вкальвают истово, умело препарируют советскую печать, а сосредоточившись на каком-то узком вопросе, знают о нем зачастую больше, чем мы, которые «оттуда». Что много уже было предвещателей краха советского режима вообще и советской экономики в частности, но (этого я и сам не мог не заметить) крах не состоялся. Так что, хотя и острят, что нет таких трудностей, которых бы не создали большевики, чтобы затем целеустремленно их преодолевать, в стране нет голода и мерзости

запустения, а в некоторых отношениях — например, военном, — страна уверенно идет вперед.

<...>

I

Трудности советской экономики отнюдь не новость, о них и в советской печати много говорилось и говорится. Вспомните, например, как лихо критиковали экономику в печати в конце 50-х — начале 60-х годов. Иностранцев наблюдателей удивили опубликованные в ноябре 1979 и октябре 1980 гг. невеселые речи Брежнева. Но мы-то знаем, что такие же речи произносятся лет 15 подряд и такие же признания в них нам были известны.

Попробуем кратко подытожить состояние дел, рассмотрим его сначала по отраслям народного хозяйства.

Сельское хозяйство. Грубо говоря, в стране должна производиться примерно 1 тонна зерна «на душу населения». Сравнительно небольшая часть идет на хлеб и другие продукты, а основная на семена (тем больше, чем ниже урожайность) и на корм скоту, много зерна теряется. Если произведено меньше 1 тонны на душу, то мяса не хватает.

<...> С 1913 по 1979 г. производство зерна возросло в 2, а мяса в 3 раза, однако легко подсчитать, что на душу производство возросло соответственно на 20% и в 2 раза. И мы видим, что никогда производство зерна не достигало заветной 1 тонны на душу населения, из-за чего и приходится закупать его за границей даже в урожайные годы.

Еще в 1970 г. на научном семинаре нам поведали, что к 1980 г. потребности населения в мясе не будут удовлетворены. Как же так, — спросили мы, — ведь намечены огромные вложения в сельское хозяйство, ведь 10 лет впереди, неужто ничего сделать нельзя? Нет, — твердо сказал докладчик, — существенно расширить посевные площади и поднять урожайность не удастся, сбор зерна несколько увеличится, но его не будет хватать. И не хватает. Посевные площади не увеличились, урожайность почти не выросла.

В только что опубликованных «Основных направлениях» нового пятилетнего плана на 1981–85 гг. предусмотрено среднегодовое производство зерна в 240 млн тонн. Понятно, что план завышен: даже в рекордном 1978 г. собрали несколько меньше, чем намечено в среднем на все пятилетие, з неурожаи наверняка будут и в новой пятилетке. Но даже при выполнении плана — до 1 тонны на душу населения остается значительная дистанция. Так что и через 5 лет мяса будет мало.

В целом сельское хозяйство с 1913 г. существенно выросло (в особенности производство сахарной свеклы, хлопка, яиц) при сокращении сельского населения с 131 до 98 млн чел. Однако нет никаких сомнений, что без колхозов и совхозов (так и просится называть их колбезхозами и совбезхозами) оно было бы куда более успешным. Вот элементарный факт. В стране имеется 553 млн гектаров сельскохозяйственных угодий, из них в личном пользовании колхозников находится 4,2 млн, а рабочих и служащих (в том числе работников совхозов) — еще 3,7 млн гектаров, то есть примерно 1,5% от всех угодий [237]. И вот на этих-то клочках земли, практически без всякой механизации, без искусственных удобрений, производится что-то около четверти или даже трети всей сельскохозяйственной продукции*.

<...>

Чего только не пробовали, как только не исхитрялись. После Сталина отменили «палочки» за трудодни, меняли налоги, установили гарантированную денежную оплату, ликвидировали МТС, учреждали сельскохозяйственные производственные объединения вместо райкомов партии, осваивали целину, осушали и увлажняли, вводили, ликвидировали и восстанавливали травопольные севообороты, сеяли кукурузу, провели бесчисленное количество пленумов ЦК КПСС, укрупняли колхозы и переводили их в совхозы. И направляют все возрастающие средства. Словом, практически уже все попробовали, объявленная недавно с большим шумом специальная «продовольственная программа» по сути дела ничего нового не представляет. И таким образом экспериментально доказали: путей для улучшения работы сельского хозяйства нет. Значит, и надеяться на это не приходится, значит, продовольственная проблема будет становиться все острее.

Промышленность. В отличие от несчастного сельского хозяйства промышленность всегда была особой гордостью советских правителей. С 30-х годов она стремительно росла, были созданы десятки новых отраслей, тысячи крупных и гигантских предприятий, здесь работает теперь под 40 млн чел., в основном высококвалифицированных рабочих и инженеров. Именно благодаря такому бурному промышленному росту страна стала мощнейшей военной державой. Всё же следующие факты заслуживают самого пристального внимания.

* В официальных справочниках этих данных нет, но такие, оценки специалистов проскальзывают в печати. Например, по словам заместителя председателя Госплана СССР, «сейчас на приусадебных участках колхозников и рабочих совхозов Воронежской области производится четвертая часть всей сельскохозяйственной продукции» («Лит. газета», 1979, 4 мая, с. 11).

Во-первых, официальные показатели роста промышленности явно преувеличены. Скажем, не мог общий объем промышленного производства вырасти с 1940 года в 20 раз [43]. Явно завышены также и сравнительные оценки, невозможно поверить, что советская промышленность производит более 80% от того, что производит американская промышленность, хотя в такую чепуху верят многие западные эксперты*. Однако даже эти завышенные официальные данные демонстрируют сильную тенденцию к снижению.

<...>

Как видим, происходит резкое снижение темпов, причем особенно сильно они упали за последние годы. Не от хорошей жизни на новую пятилетку планируют весьма скромный рост, причем совершенно понятно, что и это не состоится (см. ниже).

Во-вторых, основным источником развития промышленности долго были так называемые экстенсивные факторы, т. е. постоянный приток новых рабочих рук и громадные капиталовложения в строительство новых предприятий. К ним же следует отнести колоссальные, удобно расположенные природные ресурсы. Теперь же ни на существенный прирост рабочей силы, ни на увеличение капиталовложений рассчитывать не приходится (также см. ниже), резко ухудшилось дело с природными ресурсами. То, что лежало поближе к поверхности и к основным промышленным районам, то, что было наилучшего качества, уже израсходовано. Приходится копать (бурить) глубже, перерабатывать больше, возить дальше. Приходится все больше зарываться в Сибирь, а это много труднее и много дороже**.

В-третьих, постоянно и быстро росло производство так называемых средств производства, а не того, что люди используют сами. Если в царской России производство средств производства в промышленности (знаменитая «группа А») составляло треть, а другие две трети составляло производство предметов потребления («группа Б»), то за последние 15 лет группа А составляет три четверти, а группа Б — лишь четверть от всего объема промышленного производства [136]. Правда, в группу А входит и производство военной продукции, но все же в целом промышленность работает главным образом «сама на себя»; тот факт, что три четверти ее

* Я писал об этом в «Вашингтон Пост», 1980, 27 окт., с. А-15.

** Это отдельная и большая тема, но стоит заметить, что едет в Сибирь меньше людей, чем покидает ее, что на создание здесь так называемой инфраструктуры уйдут десятилетия и триллионы рублей, что Сибирь и Дальний Восток уязвимы стратегически.

продукции не идет в потребление, является, может быть, самым ярким свидетельством ее глубокой неэффективности*.

Еще одним также ярким свидетельством является, в-четвертых, постоянная зависимость промышленности (так же как и других отраслей) от зарубежной техники и технологии. Мощный подъем в 30-е годы состоялся на базе импорта американской и европейской техники, были приглашены тысячи иностранных специалистов. Масса оборудования была получена по ленд-лизу и вывезена из Германии после войны. Новое впрыскивание состоялось в 70-е годы как резульат детанта.

Говорят, что советская наука не так уж сильно отстает от западной и что беда в плохом, медленном внедрении. Насчет внедрения это очень верно, но есть сомнения и насчет самой науки. Численность научных работников в СССР составляет четверть всех научных работников мира [104], на науку расходуется почти 5% всего национального дохода [405, 555], а по числу Нобелевских премий на душу населения СССР занимает последнее место среди всех 20 стран, граждане которых такие премии вообще получили**. Трудно провести соответствующие измерения, но создается вполне определенное впечатление, что по многим отраслям промышленности техническое отставание СССР не сокращается, а нарастает.

Другие отрасли. Ограниченный журнальными рамками, очень коротко скажу, что в других отраслях народного хозяйства дела обстоят не лучше. Транспорт — постоянное «узкое место», которое все более сужается. Что говорить, когда в Сибирь не идет ни одна автомобильная дорога с твердым покрытием, когда в деревнях парит практическое бездорожье, когда грузы на железнодорожных станциях и в портах ждут отправки долгими месяцами, когда пресловутый БАМ, объявленный «всемирной» стройкой, строится много медленнее, чем строили железные дороги в конце прошлого века в царской России***. Советский пассажирский авиатранспорт зависит от погодных условий неизмеримо больше,

* Много подробнее об этом — в моей статье «Противоречивые противоречия» в: Внутренние противоречия. Сборник под ред. В. Чалидзе. Вып. 1. Нью-Йорк, 1981.

** Подсчитано В. Турчиным: В. Турчин. Инерция страха. «Хроника», Нью-Йорк, 1978, с. 83. Оговорюсь, что в математике, по которой Нобелевские премии не присуждаются, уровень как минимум сравним с любой западной страной. Хотя, с другой стороны, за последние годы десятки первоклассных математиков эмигрировали.

*** «В России в течение 1899–1904 гг. построено и открыто для правильного движения жел.-дорожных линий... 14369 верст». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, дополнительный том 1а, 1905, с. 744.

чем западный, газеты переполнены горькими жалобами на обслуживание железнодорожных пассажиров, крупнейшие автозаводы пришлось строить на иностранном оборудовании, морские суда заказывают за границей.

По общему признанию, одной из главных причин этого является систематический недостаток капиталовложений в транспорт, но на их увеличение не приходится уповать.

Постоянно нам твердили: «страна-стройка». И, правда, по улицам не пройдешь, нет завода, где бы хоть что-то не строилось или не перестраивалось. В строительстве (без промышленности строительных материалов) занято 10% всего числа рабочих и служащих 'в народном хозяйстве [388], но ведется строительство безобразно, другого слова не подберешь. Качество отвратительное, сроки всегда и намного нарушаются*, начинают и бросают, стоимость стремительно растет**.

Очень трудно сказать что-то особенное относительно *торговли*, читатели и без меня знают, что она несравнима с западной, а также с восточной. Дело не только в катастрофическом недостатке товаров, но и в одновременной (при таком недостатке) неразвитости торговой сети, в элементарном бескультурье (во всех смыслах) обслуживания, отсутствии простейшей механизации и т. д., и т. п. Как экономист обращаю внимание на одну вещь. В СССР, если не учитывать различных косвенных налогов и других фокусов с ценами, так называемая торговая наценка (то есть то, что добавляется к оптовой цене) составляет 3–7% от продажной (розничной) цены, в Америке же она приближается к 100%. Вообще говоря, этот факт можно толковать так: платит в конце концов покупатель, и на Западе он сильно переплачивает. В каком-то смысле это действительно так, но, с другой стороны, мы платим за удобства: отсутствие очередей, несметный выбор, возможность вернуть неподходящее. И, тоже важно, мы можем себе позволить платить! Я не идеализирую западную торговлю, я просто хочу сказать, что если бы даже в СССР хватало товаров, то торговля работала бы еще хуже, уровень ее развития потрясюще низок.

<...>

* Многие заводы строятся десятилетиями. Например, строительство Череповецкого металлургического комбината началось где-то в 50-х годах, план на текущую пятилетку предусматривает продолжение строительства.

** Практически никогда не бывает, чтобы уложились в первоначальную смету строительства. Согласно официальной статистике, стоимость строительства сокращается, но, по многочисленным свидетельствам в литературе, она быстро растет.

II

Нельзя не сказать хотя бы коротко о военных расходах. Западные наблюдатели обычно сильно их преуменьшают — в частности, ЦРУ долгие годы свято верило официальным советским показателям по этому поводу. Но даже когда в середине 70-х годов ЦРУ увеличило свои оценки вдвое, они все еще, по-моему, «не добрали». Дело тут даже не в самих абсолютных показателях — вопрос этот сложен и довольно спорен, а в том, что экономисты ЦРУ и другие специалисты явно преуменьшают *долю* военных затрат в советском национальном продукте. У них получается, что эта доля составляет порядка 11–13%, а из этого следует, что тяжесть военной ноши не так уж безумно велика, что это бремя более или менее терпимо. Это, конечно, не имеет ничего общего с действительностью¹. Читателей этого журнала вряд ли надо убеждать, что советские военные расходы чудовищны по своей величине, что именно в военных отраслях сосредоточены лучшие силы и средства, что это первый и самый главный приоритет, что денег здесь почти не считают.

В связи с нашей темой нас, разумеется, прежде всего интересует влияние военных расходов на текущее экономическое положение и на ближайшие экономические перспективы. Что касается первого, то ясно, что экономика развивалась бы быстрее, люди жили бы много лучше, если бы военные расходы были меньше. Была ли такая возможность, можно ли было тратить на вооружение меньше без угрозы безопасности страны? Проклятый вопрос, но его надо ставить, надо пытаться на него ответить.

Не буду дебатировать — есть ли угроза СССР со стороны западных стран и в том числе Америки? Ответ представляется более чем очевидным, но нельзя запретить советским руководителям иметь по этому поводу собственное мнение, хотя и здесь надо сказать: неплохо было бы им проконсультироваться по этому поводу с собственным населением. Куда более труден вопрос о «китайской угрозе». Хотя все западные специалисты единодушны: сегодня Китай не опасен СССР, — нельзя ничего гарантировать насчет страны с миллиардным населением и тоталитарным режимом. Поэтому никто и не говорит, что СССР должен распустить армию и не тратить на вооружения ни копейки.

<...>

А зачем были потрачены немыслимые средства на строительство мощнейшего морского флота? Отнюдь не для защиты советских границ, дорогие эти игрушки бороздят воды Средиземного моря и Индийского океана. Опять-таки никто не говорит, что

стране вообще не нужен военно-морской флот, речь идет о пропорциях, о том, что советский флот сегодня никак не назовешь средством защиты, обороны.

Не будем говорить об Афганистане, вторжение в который, используя слова Талейрана, было больше, чем преступлением, это было ошибкой и притом очень дорогой ошибкой. Значение вторжения в Афганистан надо рассматривать на общем фоне американско-советских отношений и переговоров об ограничении стратегических вооружений. В начале прошлого десятилетия начались маневры вокруг детанта, было подписано соглашение ОСВ-1, начались переговоры об ОСВ-2, появилась ясная возможность сократить военные расходы. И Америка сократила их: со 100 млрд. долларов в 1968 г. они упали к 1976 г. на треть — до менее 66 млрд. долларов, и процент военных расходов от национального продукта упал почти в 2 раза*. А советские правители, как раз наоборот, их резко подняли.

Правда, по официальным данным, они остаются неизменными вот уже более 10 лет, но всерьез в это верить не приходится — по всем оценкам, советские военные расходы очень существенно возросли за этот период, разногласия существуют лишь относительно размера возрастания**.

Этот акт советского руководства непростителен. Дело не только в том, что, направив на непроизводительные цели огромные средства, они нанесли вряд ли поправимый удар собственной экономике — среди причин замедления ее роста чудовищные военные траты занимают не последнее место. Дело также и в том, что, потратив так много средств, «перетратив» Америку, они бросили вызов, который был немедленно подхвачен. Военные расходы Америки снова резко поднялись, начался новый раунд гонки вооружений. Даже для богатой Америки этот новый раунд труден, хотя и терпим; для СССР он будет много тяжелее, правителям придется опять затягивать пояс на животах собственных граждан***.

* Statistical Abstract of the United States. 100th Ed., 1979, Washington, p. 364. Числа даны в «постоянных» долларах, т. е. на них не отражается рост цен. Заметим, что вся стоимость Вьетнамской войны была «всего» 20 млрд. долларов, иначе говоря, снижение расходов объясняется этим фактором лишь частично. С другой стороны, в 1976 г. резко возросли затраты на выплаты увольняющимся на пенсии (там же — с. 366).

** Я заканчиваю сейчас книгу о методологии исчисления советских военных расходов. Поразительным образом, других книг на эту тему нет.

*** ЦРУ дважды объявляло, что, если СССР и снизит свои военные расходы, это не принесет стране каких-либо серьезных экономических выгод. Я критикую эту странную точку зрения в упоминавшейся выше статье в «Вашингтон Пост».

III

<...>

За счет чего, собственно, растет производительность труда? Имеется несколько факторов, рассмотрим важнейшие из них.

Очень существенна в этом отношении квалификация кадров, и она возрастает. Не менее существенно желание людей работать лучше, производительнее, а вот тут-то дело обстоит очень плохо. В сталинские времена людьми двигал страх, кнут, заменил его «пряник», который до поры до времени более или менее действовал, а теперь перестал. Из-за инфляции, громадных денежных накоплений (которые люди не могут использовать, об этом ниже) пропал интерес к более интенсивной, более производительной работе. Несмотря на то, что именно в СССР несравненно шире, чем на Западе, используется сдельная оплата труда, люди, не имея надлежащего интереса, работают кое-как; и качество их работы скорее ухудшается, чем улучшается. Добавим к этому жуткий алкоголизм. В целом никак не приходится рассчитывать на этот фактор.

Очень важный фактор — улучшение общественной организации производства, лучшее распределение ресурсов, прогрессивные изменения отраслевой структуры и т. п. Здесь шансов на улучшение едва ли не меньше. С ростом экономики управление ею становится более громоздким, менее эффективным.

<...>

И последнее по счету, но не по важности — капиталовложения. Они необходимы и для простого расширения производства, и для подъема его технического уровня. А их объем начал, по сути дела, снижаться.

В целом страна тратит на эти цели уникально много, более четверти всего производимого в стране национального дохода [406]. Хотя прямые сравнения тут невозможны из-за различий методологии, все же ни одна западная страна даже близко не подходит к такому высокому удельному весу капиталовложений в национальном продукте. Уникально также, что подавляющая часть этих огромных средств направляется не на удовлетворение потребностей населения, а на производственные нужды*. По меньшей мере спор-

* Одна из причин завышения — этот показатель рассчитывается по данным о так называемой валовой продукции. В 1979 г. 94 млрд. руб., т. е. 72% общей суммы капиталовложений пошли непосредственно на промышленность, сельское хозяйство, транспорт и само строительство. К этому следует добавить пару десятков миллиардов на коммунальное строительство, лесное хозяйство, заготовки, торговлю и т. п. Сколько точно

но — благотворны ли были такие громадные капиталовложения в прошлом, даже в советской печати проскальзывает деликатно выраженные сомнения в этом, но становится все более ясно, что сегодняшней их уровень вызывается прежде всего их глубокой неэффективностью, тем простым и трагичным обстоятельством, что на них тратятся чудовищные средства*, а результаты несоизмеримо малы. Вопрос этот довольно специален, и мне трудно здесь приводить соответствующие подсчеты и рассуждения, просто скажу, что о продолжающемся падении эффективности капиталовложений давно уже открыто пишут в советской экономической литературе со всеми необходимыми выкладками.

Что, собственно, это падение означает? То, что для получения того же самого эффекта, для поддержания прежних темпов роста экономики надо все время увеличивать сумму капиталовложений. Однако уже в течение большей части 70-х годов уменьшался их абсолютный прирост и началось заметное уменьшение относительного прироста, общая сумма растет очень медленно, план на следующую пятилетку предусматривает рост всего на 12–15%, что много меньше, чем когда-либо в советской истории.

Опираясь официальными данными, я не подвергал их выше серьезной критике, в частности, потому, что если даже им полностью доверять, результаты все равно получаются достаточно нетешительными.

<...>

Общий вывод из всего этого неопровержим — несмотря на то, что капиталовложения поглощают громадную часть национального продукта, они более не обеспечивают рост народного хозяйства.

IV

Совсем коротко о внешней торговле. Может быть, именно она может существенно помочь? Растут ее объемы довольно быстро, что само по себе вполне хорошо. Внешняя торговля, основанная на международном разделении труда, обычно взаимовыгодна, хотя в случае с СССР это далеко не всегда ясно — из-за исключенности рубля из международных валютных рынков, его изолированности крайне трудно, если вообще возможно, провести соответствующие измерения, соизмерить плюсы и минусы, судить о степени выгоды.

идет на военное строительство, подсчитать трудно. На жилищное строительство идет лишь немногим больше 10% от всех капиталовложений.

* В строительстве, промышленности строительных материалов и машиностроении занято больше трети от общего числа всех рабочих и служащих.

Я уже как-то писал в этом журнале, что государство зарабатывает на внешней торговле десятки миллиардов рублей в год, частично затыкая тем самым зияющую дыру в бюджете. Но в то же самое время страна имеет громадный долг в 20 с лишком миллиардов долларов.

Вне зависимости от способа подсчета валютных результатов, очевидно, что внешняя торговля существенно необходима. Прежде всего, именно через нее в страну идет возрастающий поток таких технических средств, которые не удается произвести самим, и тем самым частично сглаживается научно-техническое отставание. Из-за границы ввозится много зерна. Поступает также научное оборудование, много потребительских товаров. Все бы хорошо, но за импорт надо платить. Чем? Экспортом, продажей золота, за счет «неторговых» операций и залезая в долг.

Недавний скачок мировых цен на золото сильно помог СССР, но потом цены опять сильно упали. Общие объемы продажи золота (а также алмазов) довольно значительны и, грубо говоря, покрывают около 20% общей потребности страны в «твердой» валюте, в которой и производится торговля с Западом (а также с развивающимися странами). Еще большее значение имеет продажа оружия*, но вместе с продажей золота, а также «неторговыми» операциями (такими, как иностранный туризм и заработки морского флота) она вряд ли дает более половины всей потребности в валюте для внешней торговли с Западом.

Чтобы поддерживать существующий уровень торговли, а тем более, чтобы расширить ее, надо, следовательно, экспортировать. Страна долго была, как говорится, «сырьевым придатком» развитых стран, продавая лес, пушнину, в 20-е годы — зерно, теперь же — много нефти и немного (пока) газа. Перспектив на существенное расширение продажи на Запад промышленных товаров, в общем, нет. Что касается нефти, то тут дело тоже обстоит не слишком хорошо. За последние годы страна много выиграла

* За 1973–77 гг. СССР продал оружия всего на 23,4 млрд. долларов, в том числе странам Варшавского пакта на 6,9 млрд. долларов, Югославии — 0,5, Китаю — 0,3, Северной Корее немного больше, Вьетнаму — 0,6, Египту — 1,2, Ирану — 0,4, Ираку — 2,6, Сирии — 3,1, Индии — 1,1, Алжиру — 0,5, Анголе — 0,3, Ливии — 1,8, Кубе — 0,5, Перу — 0,6 и т. д. Объем этой продажи лишь немногим уступает объему продажи оружия Соединенными Штатами и намного превосходит продажу оружия другими странами. Используя советскую официальную терминологию, СССР надо теперь называть «продавцом смерти». (U. S. Arms Control & Disarmament Agency. World Military Expenditures and Arms Transfers. Washington, 1979, p. 155–158).

от роста мировых цен на нефть, но ее добыча растет медленнее, чем собственные потребности в ней. С известным предсказанием ЦРУ, что СССР к середине этого десятилетия начнет импортировать нефть, соглашаться не приходится, хотя бы по той простой причине, что за этот импорт нечем платить, но не менее ясно, что экспорт нефти на Запад скоро должен прекратиться. Единственная надежда — газ Ямала, и сейчас лихорадочно идут переговоры о строительстве многотысячекилометрового газопровода в Западную Европу. Строится он будет на иностранном оборудовании и за иностранные кредиты, следовательно, первые годы поставками газа будут покрываться долги.

<...>

Таким образом, нет реальных перспектив на решительное улучшение дел в советской экономике с помощью внешней торговли.

V

Пора обратиться к самому, пожалуй, чувствительному вопросу — жизненный уровень населения².

<...>

Довольно распространено мнение, что советским правителям вообще наплевать на благосостояние населения. Думаю, что это не совсем так, но к делу это мало относится. <...> Большая часть населения политически индифферентна, немалая часть едва терпит, однако большинство политически активных людей поддерживало режим. Понятно, что немалое значение имеет отсутствие альтернатив и результат действия лучшего детища режима — пропагандистской машины, — но подъем жизненного уровня тут едва ли не самый существенный элемент. Крайне трудно сказать, насколько именно поднялся жизненный уровень*, но несомненно, что улучшились жилищные условия**, вошли в повседневный быт телевизоры

* По официальным данным, заработная плата рабочих выросла по сравнению с 1913 г. в 7,3 раза, с учетом ликвидации безработицы — в 8 раз, а с учетом сокращения продолжительности рабочего дня — в 10,5 раза; реальные доходы крестьян — в 15,8 раза. По тем же данным, реальные доходы всего населения выросли по сравнению с 1940 г. на душу населения в 5,6 раза [406, 407]. Трудно опровергнуть эти данные, поскольку заботливо не сообщается, как именно, по какой методологии они исчислены, но нет никаких сомнений — они очень сильно завышены.

** Я совсем не хочу этим сказать, что население удовлетворено жилищными условиями. Вот, например, при наличии 3 млн. кооперативных квартир в очередях на вступление в кооперативы стоит 1 млн. чел. («Лит. газета», 1980, 17 дек., с. 13). К ним надо добавить тех, кто уже вступил

и холодильники, расширилась продажа автомашин*, улучшилось питание**, люди стали несравненно лучше одеваться и т. д. Понятно, что этот процесс не был «гладким», он протекал по-разному в разные периоды, в разных районах и для разных групп населения.

Все же наиболее существенны для характеристики как этого процесса, так и сложившейся в его результате ситуации, следующие моменты.

Во-первых, как я уже сказал, важен не столько сам абсолютный уровень потребления (стандарт жизни), сколько его динамика. И не менее важны другие, нединамические сравнения. Но при всем при том много более важно то, что я называю «ножницами», то есть разница между потребностями и степенью их удовлетворения. На протяжении всей человеческой истории стандарт жизни поднимался, но никак не скажешь, что современный человек доволен своим материальным положением больше, чем его неисчислимые предки: не менее быстро, чем потребление, росли и потребности, желания людей. Не отвлекаясь на исторические параллели, скажу, что этот процесс можно наблюдать и для рассматриваемого периода. Более точно говоря, как мне кажется, ножницы начали несколько сдвигаться в начале рассматриваемого периода, но постепенно положение стало меняться. Желания людей, их конкретные потребности в нормальном жилье и нормальном питании, в красивой удобной одежде, в таких элементарных вещах, как стиральная машина, которая действительно стирает автоматически, а не полоскает белье, в личном телефоне и т. д. росли и осознавались быстрее, чем эти потребности удовлетворялись, то есть ножницы начали все сильнее раздвигаться.

Во-вторых, из-за преступно-безграмотной политики властей население теперь имеет чудовищные накопления в различных

в кооператив, но квартиру еще не получил, и многие миллионы тех, кто не имеет денег. Вообще определить обеспеченность населения жильем затруднительно, хотя, по публикуемым данным, в среднем в городах приходится 13 кв. м полезной площади» (т. е. включая все подсобные помещения) на душу [418], что, конечно, страшно мало по современным стандартам. Масштабы жилищного строительства, с учетом выбытия из-за ветхости и реконструкции, не позволяют надеяться, что в течение ближайших десятилетий жилищная проблема в стране будет разрешена.

* Сейчас в личной собственности находится 7 млн. автомашин, неизмеримо меньше на душу населения, чем в любой западной стране.

** Мы уже видели выше, что потребление мяса сильно выросло, намного больше потребляется также сахара, яиц, молока, выросло потребление овощей. Однако в целом питание много хуже, чем в западных странах, и еще очень далеко отстоит от т. н. рациональных норм, разработанных советскими же экспертами.

формах (в сберкассах, в кубышках, в облигациях), и чудовищность этих накоплений расстраивает торговлю, подрывает последние стимулы к подъему производительности труда, к перемещению рабочей силы в те районы и отрасли, где она более всего нужна. Крайне серьезно также, что власти практически вынуждены забрать эти накопления (как минимум надолго «заморозить» их), что неизбежно вызовет взрыв массового недовольства*.

В-третьих, в последние годы рост жизненного уровня практически остановился. Правда, по официальной статистике это не так [406], но здесь мы опять не должны верить ей, тем более, что она легко опровергается другими официальными показателями**.

Все же наиболее важное, в-четвертых, заключается в том, что не видно перспектив на восстановление роста жизненного уровня. Источником такого роста может быть подъем производительности труда и, следовательно, увеличение объемов производства, в частности, в сельском хозяйстве, но мы уже видели выше — на это нет надежд. Другим источником улучшения жизни людей могли бы быть глубокие структурные преобразования экономики, в особенности сокращение военной промышленности, но на это тоже не очень приходится рассчитывать.

Поскольку мы оперируем средними цифрами, сам факт остановки роста уровня жизни необходимо означает, что этот уровень для определенных групп населения уже ухудшился. Так, те, кто не крадет и не имеет «дополнительных» к зарплате доходов, фактически уже потребляют меньше из-за роста цен и все более полного исчезновения из торговли дешевых товаров. Этот процесс снижения жизненного уровня будет неизбежно продолжаться, захватывая все более широкие круги населения. Очень сильным ударом будет также неизбежное изъятие властями денежных накоплений.

Не хочется употреблять громких и торжественных слов — все же приходится сказать: именно доказанная более чем полу-

* Об этом подробно рассказано в моей статье «Угроза» (см. прим. 1).

** Обратим внимание, что и по ним рост «реальных доходов на душу населения» замедляется [406]. Показательно также, что этот рост лишь чуть-чуть выше, чем рост средней заработной платы [394], т. е. «реальные доходы» и увеличиваются, таким образом, в основном в виде увеличения денежных доходов. Но прирост последних идет не на увеличение реального потребления, а в рост денежных накоплений, в частности, в сберкассах [435]. Есть и другие показатели: например, в 1979 г. фактически сократилась по сравнению с предыдущим годом продажа населению важнейших культурнобытовых товаров — часы, телевизоры и т. д. [431], и это при росте населения. Сократился также рост ввода в действие жилой площади [412, 413].

вековой практикой неспособность режима обеспечить собственному народу более или менее достойную материальную жизнь, его очевидное бессилие в этом является самой глубокой причиной его (режима) недолговечности, его неизбежного будущего падения. Не американские империалисты и сионисты, не диссиденты и даже не пекинские марксисты, а собственная экономическая система является злейшим врагом режима, врагом, который в конце концов его разрушит.

VI

Не думаю, что я написал выше нечто принципиально новое, да я и не стремился быть оригинальным. Почему же все-таки я делаю из всего этого такие мрачные выводы, и почему, в особенности, я делаю их именно сейчас? В чем, собственно, состоит примечательность, как когда-то говорилось, текущего момента, куда именно этот момент течет?

Основное заключается в том, что развитие экономики, ее движение вперед если еще не остановилось, то вот-вот остановится. Приведу еще один ряд чисел, на этот раз характеризующий все народное хозяйство в целом:

Годы	Рост национального дохода за пятилетие, в процентах*	
1941–45	—	20
1946–50	—	200
1951–55	—	83
1956–60	—	54
1961–65	—	37
1966–70	—	45
1971–75	—	31
1976–80	—	22
1981–85 [план]	—	19

Нас уже не удивляет, что рост национального дохода, то есть всей экономики, так стремительно падал и дошел до низкой величины. Однако приведенные показатели, в особенности последние из них, заслуживают подробного обсуждения.

Прежде всего, в очередной раз заметим, что мы используем официальные данные, которые не заслуживают полного доверия. В частности, есть полное основание полагать, что они завышают реальные темпы развития экономики, в том числе фактически имевшие место в последней пятилетке. У меня нет четких до-

* Данные из [43], а также из «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», сс. 56 и 59, и «Известия», 1980, 2 дек., с. 2.

казательств, и поэтому я избегаю давать здесь точное число, но наверняка в 1976–80 гг. прирост национального дохода был существенно ниже, чем 22%*.

<...>

В этой связи надо настоятельно подчеркнуть крайне важный момент, который многие забывают. Он заключается в том, что почти все проблемы советской экономики значительно сглаживались, смягчались за счет ее роста. Два примера. Первый — советская экономика всегда работает на пределе, не имеет резервов мощностей, ей всегда не хватает рабочей силы, материалов ит. д. В этих условиях она вообще могла функционировать только в условиях роста. При прекращении роста отсутствие резервов немедленно даст себя знать крайне болезненно, если не разрушительно. Второй — советская экономика резко диспропорциональна, причем ее отраслевая структура весьма нединамична, здесь не происходят резкие структурные изменения (возникновение новых отраслей при исчезновении некоторых старых). И это обстоятельство тоже резко даст себя знать при остановке роста экономики.

Моим оппонентам также трудно понять, о чем идет речь, по той простой причине, что в западной экономике всегда бывают циклы, что хозяйство то развивается быстро, то, во время кризисов, даже переходит на «отрицательный рост», а потом движение вперед восстанавливается. Принципиальное отличие советской экономики от западной заключается в том, что здесь нет причин для циклов, что длительное снижение темпов развития имеет здесь *необратимый характер*.

Мне довелось видеть отчет двух служащих Конгресса США об их командировке в Москву в декабре 1980 г. Там их всячески заверяли, что трудности с начинающейся пятилеткой — временные, что уже в следующей пятилетке они (трудности) будут преодолены. Это, конечно, чепуха. Нет реальных причин, которые могли бы исправить положение даже через 5 лет, тем более, что в конце десятилетия начнется прямое уменьшение численности населения в рабочем возрасте и что уменьшение капиталовложений в текущей пятилетке решающим образом предопределяет недостаточное развитие производственных мощностей для следующего пятилетия.

* Такой рост был, в частности, определен при предположении о росте капиталовложений в отчетном темпе. Как я уже выше говорил, это явно не так. Пикантно также, что «произведенный национальный доход» растет быстрее, чем «национальный доход, использованный на потребление и накопление» [49]. Есть и другие косвенные данные, которые достаточно красноречиво говорят то же самое.

Итак, особенность «текущего момента» заключается в остановке роста экономики, а также, как я писал выше, в остановке роста жизненного уровня. Это настолько серьезно, что советская экономика может не дожить до следующего пятилетия.

VII

Главное возражение против моего вывода таково: советское начальство достаточно хорошо информировано о состоянии дел в собственной экономике, и они не самоубийцы. Поймут они наконец, что необходимы срочные и радикальные меры, пойдут на реформы экономической системы. Давайте обсудим это.

Оговорюсь сначала, что необходимость реформ еще не всем до самого конца ясна, прежде всего, потому, что некоторые не хотят это понять. В ближайшем окружении Брежнева всегда считалось: главное — это поменьше всяких реформ, поменьше волн. Это настроение сформировалось сразу же после «октябрьского переворота», и достаточно неуклонно проводился курс на стабильность. В основе глубокая вера: — всё, в общем-то, в порядке, система работает, надо не метаться, не суетиться, и постепенно все наладится. Эту веру не изменили очевидные экономические неудачи, что видно из характера объявленных летом 1979 г. реформ — по сути дела, ничего особенного они не изменили.

Нежелание реформ во многом связано также и с тем, что тут слишком много неясного. Общее их направление. Их степень. С какой скоростью их проводить. Так сказать, политическая цена реформ. И многое другое.

Что касается общего направления, то довольно еще многие вполне искренне думают, что неуспешность экономики проистекает от недостатка элементарной дисциплины. Помню долгий разговор в 1972 г. с директором крупного завода. «Крепкий хозяйственник», член обкома партии, увешан массой побрякушек и довольно интеллигентный человек, ко всему прочему еврей. Он откровенно рассказывал мне (я тогда и сам не знал, что через пару лет эмигрирую) о нелепостях и глупостях, громадных потерях. И уже к концу разговора, как бы подводя ему итог, сказал: «А все отчего? Распустились, дисциплины нет». — «То есть как, — изумился я, — значит, вы за большую централизацию, против реформ?» — «Конечно. Да и судите сами, разве реформа 65-го года хоть что-то улучшила?! Наоборот, ее положительный итог заключается в том, что она продемонстрировала неверность этого направления; теперь совершенно ясно — надо всячески укреплять централизованное, твердое руководство».

Такие настроения — далеко не редкость, и поддерживаются они многими обстоятельствами. Понятное опасение начальников всех рангов — как бы изменения не отразились на них самих. Идеологические причины. Вера в то, что дальнейшее развитие электроники, компьютеризации планирования и управления подведет под действующую систему адекватную ей техническую базу. Страх, что «либерализация экономики» поведет к общей либерализации в стране, создаст для режима непосредственную политическую угрозу.

Трудно, конечно, говорить определенно — все же я думаю, что реальное движение в этом направлении мало вероятно. Если же оно состоится, то экономическое положение наверняка еще более ухудшится. Правда, усиление централизации должно будет сопровождаться общим политическим «зажимом», что поможет как-то справиться с недовольством населения ухудшением жизни, но крайне сомнительно, что в этих условиях режим сумеет долго держаться. Главное — экономика при этом будет неуклонно и быстро разваливаться, что расстроит всю жизнь в стране.

Надо сказать, что «централизаторским настроениям» сильно помогает то, что люди не видят ясной альтернативы — неясно, как именно двигаться в противоположном направлении и что это конкретно даст.

Рассматривая это другое направление, надо сразу же отвести крайнюю точку зрения — воссоздание в стране капиталистической экономики. Будучи много лучше советской, западная экономика сама испытывает столь драматические трудности, что никак не может служить образцом для подражания. И, если всерьез принять такой курс, он потребует очень длительных и болезненных усилий. Капитализм без капиталистов — нонсенс, значит, должна появиться национальная буржуазия, а процесс ее создания, так называемое первоначальное накопление, никогда не выглядел привлекательным. Нет людей, умеющих хозяйствовать по-капиталистически, нет соответствующих институтов, нет для этого и многих других условий. Вместе с тем уместно сказать, что, как это ни парадоксально выглядит, само по себе создание капиталистической экономики вполне сочетается с тоталитарной политической властью: капиталистическая экономика существовала и при Гитлере и при Франко.

Практически речь идет о создании некоего гибрида, то есть серьезной модификации существующей экономической системы в сторону ее децентрализации, пробуждения и побуждения инициативы предприятий, резкого усиления стимулов, но при сохранении государственной собственности и, следовательно, при общем

государственном руководстве экономикой. Однако здесь остается очень много неясного, а то, что уже ясно, не очень ободряет.

Что, например, делать с сельским хозяйством? Негодность колхозов и совхозов уже всем ясна. Пока пошли по такому пути. Во-первых, все больше создают подсобных хозяйств при крупных промышленных предприятиях*, но даже при сомнительном предположении, что эти хозяйства успешны, не приходится рассчитывать, что именно здесь выход, — таким образом все сельское хозяйство не преобразуешь. Во-вторых, начали создавать аграрно-промышленные объединения, соответственно в пятилетнем плане весь раздел о сельском хозяйстве назвали «Развитие аграрно-промышленного комплекса». Сама по себе индустриализация, специализация сельского хозяйства вполне благотворна, так сказать, плохого здесь мало. Все же понятно, что на этом пути никак не разрешается проблема создания у людей, работающих на земле, личного материального интереса. Да и советская промышленность — не Бог весть какой образец для подражания.

Итак, результатов это не даст, придется пойти на радикальные преобразования. Какие же? Распустить колхозы и упразднить совхозы? В общем, да, но тут же возникает множество проблем. Как делить среди крестьян имущество колхозов и совхозов, по какому именно принципу? Кто и как будет использовать крупные машины, большие здания (например, скотоводческих ферм)? Можно ли надеяться, что освобожденные от колхозов крестьяне сразу же кинутся на поля, будут их искусно удобрять, в правильные сроки засеивать и убирать урожай лучшим образом? Как именно они будут сбывать урожай?

На эти вопросы можно найти ответы, но в целом ясен ряд вещей. Прежде всего, польский опыт ясно показывает: отсутствие колхозов еще не решает всех проблем, поэтому надо допустить сравнительно крупные хозяйства в деревне, разрешить «эксплуатацию» труда. На это пойти очень трудно, но дело также и в том, что все это не произойдет сразу, необходим длительный мучительный процесс, в ходе которого из сельского хозяйства будут вытесняться неумелые и нерадивые, удачливые будут укрепляться, будут создаваться новые институты, связи, структуры. На это нужны годы, если не десятилетия, а пока что надо каждый день завозить хлеб и молоко в магазины.

Всем этим я отнюдь не хочу сказать, что надо уповать на агропромышленные комплексы и рыскать по миру за зерном. Но надо

* В феврале 1980 г. состоялось специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров, по которому этим хозяйствам широко отводятся земли.

понять: сразу, вдруг сельское хозяйство не перестроишь, нужны продуманные, подготовленные действия, причем они наверняка не приведут к немедленному всеобщему успеху.

В еще большей степени сказанное относится к другим отраслям народного хозяйства: здесь проблемы рациональной организации еще сложнее из-за необходимо более крупных масштабов, из-за много больших связей предприятий с поставщиками и потребителями.

В одном отношении директор завода, о разговоре с которым я рассказал выше, был прав: реформа 65-го года практически ничего не улучшила. Не улучшила, потому что, хотя и проведенная в генерально правильном направлении, сделала очень мало, продвижение было минимальным и непоследовательным. Поэтому меры нужны очень радикальные, очень решительные, но их немедленный эффект, как мы это видели на примере с сельским хозяйством, может оказаться очень неприятным.

Я пишу это за месяц до XXVI съезда КПСС, на котором ничего не должно произойти, не для того съезды созываются. Однако вскорости, по элементарно-биологическим причинам, к власти в Кремле придет «новая команда», и ей надо будет поспешить что-то делать, я не для красного словца говорил выше о надвигающейся катастрофе.

Срочные реформы абсолютно необходимы, но как их делать, какие конкретные шаги предпринять? И как объяснить населению, что даже при реформах его жизненный уровень неизбежно снизится, — обещаниями грядущих благ люди сыты уже по горло. Моего совета никто не просил, да и не очень я расположен его давать. Но, размышляя еще и еще о ситуации и о будущем, приходишь к таким, представляющимся очевидными выводам.

1. Чем больше будут оттягиваться реформы, тем в более трудном положении окажется экономика, а следовательно, и страна.

2. Мелкие, малозначные, неструктурные реформы, скажем, такого типа, какие были объявлены летом 1979 г., создают лишь иллюзию руководящей деятельности, ничего по сути не меняя. Они ничего значительного и не дадут.

3. «Совершенствование» планирования, различные организационные перестройки, типа создания новых (ликвидации старых) министерств тоже малозначимы, как это уже было много раз продемонстрировано; пересадки чиновников ничего не меняют.

4. Нельзя исключать возможность прихода к власти в стране деятелей, которые начнут «завинчивать гайки», будут «укреплять дисциплину», усиливать централизацию управления экономикой. Это наверняка еще убыстрит движение к экономической катастрофе.

5. В принципе необходимой представляется «либерализация» экономики, воссоздание частной собственности (хотя бы в некоторых лимитированных размерах и формах), предоставление предприятиям возможности оперировать самостоятельно, вознаграждать их в соответствии с достигнутыми экономическими результатами. Однако очень неясно, как именно это сделать, какие конкретные меры предпринять.

6. Если (когда) это будет сделано, возникнут чрезвычайные трудности в переходный период: перед тем как стать лучше, вещи будут много хуже. Единственно возможный способ, как я уверен, заключается в том, чтобы одновременно с глубокими реформами экономики кардинально уменьшить военные расходы: сократить армию, переключить основную часть военной промышленности на производство мирной продукции, а научные институты и конструкторские бюро — на работу по научно-техническому прогрессу в гражданской промышленности (и в других отраслях) и по созданию новых потребительских товаров.

7. Во всех случаях у советского населения нет никаких шансов на улучшение материального положения в близком будущем. Во всех случаях у него заберут (как минимум — частично) денежные накопления, снабжение продовольствием просто не может стать существенно лучше, примерно так же обстоит дело с жилищным строительством и промышленными товарами. Если глубокая либерализация экономики будет быстро проведена, то некоторые результаты ее население начнет ощущать лишь через несколько лет.

8. У нас нет серьезных оснований судить о возможной успешности советской экономики даже при условии ее радикального изменения. Вернее говоря, безусловно, что при правильных мерах она должна «ожить», работать более продуктивно, но, насколько это «более» будет действительно велико, будет соответствовать все расширяющимся ножницам «потребности-удовлетворение», просто невозможно сказать.

Я вообще настроен довольно пессимистично насчет, так сказать, экономического будущего мира. Единственная надежда, которая брезжит на горизонте, — овладение неисчерпаемыми энергетическими ресурсами атома.

Но, пока это будет сделано, любая экономика будет испытывать возрастающие трудности, и вопрос лишь идет о их степени, о способности каждой конкретной экономики выжить.

Повторив, что мне не очень ясно — сумеет ли советская экономика выжить даже при глубоких, структурных реформах, — я должен сказать, что это вообще ее единственный шанс, других просто нет.

VIII

Перед тем как закончить, еще раз повторю: я — сторонний наблюдатель, я ни в коем случае не хочу ввязываться в политическую борьбу в стране, которую покинул навсегда. Все же нельзя избежать некоторых политических выводов, непосредственно следующих из всего сказанного.

Я уже говорил выше, что режим в общем поддерживался и все еще поддерживается большинством населения, но это недолговечно. Начавшийся процесс остановки экономики, прекращение роста жизненного уровня и неизбежное его снижение, неотвратимая ликвидация денежных сбережений приведут к острому недовольству. В каких формах оно проявится, очень трудно судить, но формы эти могут быть и очень жестокими, кровавыми.

<...>

И последнее. Нельзя не сказать, что международная политика страны тоже ведет ее к катастрофе. Не только потому, что гонка вооружений увеличивает опасность ядерного конфликта. Но и потому, что эта гонка непереносима для советской экономики.

